

Я с тобой, бро

Отодвигаю доску и незаметно пролезаю на территорию. Никого. Раз, два, три... В сирень! Замер. Слушаю. Сердце долбится – дыщ-дыщ-дыщ. Постоял, чуть успокоился. Птицы, голоса. Но со стороны парка. Вроде, пронесло.

На этой неделе кирпичи выгрузили, блоки какие-то. По этому поводу даже лампы у фонарей поменяли и камеру поставили. И сторож теперь выходит из своей будки, проверяет. Сейчас нельзя чтоб меня поймали, ещё в полицию заявят. Я на всякий случай отмазку придумал – делаю проект по архитектуре восемнадцатого века, сфоткать хотел. Даже в интернете откопал, что это усадебный комплекс в стиле классицизма. Ладно, согласен, неубедительно. Но на крайний случай сойдёт.

Окно в будке сторожа открыто, стреляют – детективы смотрит. Вдыхаю и короткими перебежками к боковой стене, здесь пригнуться, дальше окно – старая липа, первый этаж. Подтягиваюсь на ветке, и оп-ля. Можно наконец выдохнуть.

Внутри темно. Тоже сумерки, но совсем другие. Остывшие и приглушённые.

– Хей, бро.

Молчит. Но я чувствую – короткий вдох, потянуло по полу. Я же знаю, что ждал.

Медленно иду по комнате, веду пальцами по стене. В прошлом году здесь положили штукатурку. А на крышу денег не хватило, так что стена у входа стена отсырела. В одном месте штукатурка осыпалась, и видно родные красные кирпичи. Их я глажу ладонью. Холодные. Страшно становится от этого холода.

– Ну ты чего, бро?

Молчит.

Я поднимаюсь наверх по скрипучей лестнице.

– У меня деду в прошлом году опухоль вырезали из желудка.

Даже в полутьме видно, где какие-то придурки нарисовали граффити.

– Врачи сказали – шансы пятьдесят на пятьдесят.

Я это граффити два дня оттирал, ещё пришлось сверху замазать.

– Дед тогда такой был... Посмотришь на него, и страшно становится.

Белую краску у отца в гараже стрельнул. На серой штукатурке – как шрам.

– Прикинь, приходит ко мне накануне и говорит – Димка, я на тебя квартиру переписал.

Каминный зал. Паркет только здесь сохранился. Накрыт брезентом, но я поднимал – пыльный, конечно, потёртый, но всё равно красивый, шоколадный.

– Я тогда чуть не заревел. Хотелось встряхнуть деда за плечи и закричать – ты чего, дед? Какая квартира?

Через арочное окно падает свет от фонаря. Наверно, когда-то здесь висела огромная люстра. Ну, такая с хрусталиками. Как в театре.

– А потом его положили, и это был такой долгий день, я думал – с ума сойду.

Вот здесь камин – я видел на старой фотке, какая раньше была лепнина. Подношу руку – холодно. Ну давай, бро!

– Врач позвонил вечером. Операция прошла хорошо, говорит. День пробудет в реанимации.

Окурок. Вот руки бы... Рабочие, по-любому. Подобрал, положил в карман.

– Через неделю уже деда выписали. Химия, правда, потом была. Но всё хорошо в итоге. Живой, здоровый. На лыжах зимой гонял.

Звук еле слышный, как будто ставни скрипнули. Волнуется. Тяжело ему. Да, я-то всё понимаю.

Я становлюсь по центру каминного зала. Над головой – потолок-купол. Ставлю на пол рюкзак, достаю книгу. Книга, кстати, дедовская, с антресоли. Болотного цвета, кто такой выбрал вообще? Подсвечиваю телефоном.

– Кхм.

Делаю глубокий вдох.

– Подруга дней моих суровых,

Голубка дряхлая моя!

Одна в глуши лесов сосновых

Давно, давно ты ждешь меня.

Воздух врывается в комнату с лёгким свистом как у человека, который долго не мог дышать полной грудью. Он приподнимает страницы томика, лохматит мои волосы.

– Ты под окном своей светлицы

Горюешь, будто на часах,

И медлят поминутно спицы

В твоих наморщенных руках.

Отзываются тихим гулом стены. Как в первый раз. Я тогда чуть в штаны... Ну, вы поняли. Я ведь думал – сбежать из дома, лишь бы не слышать опять их ссоры. Матюхе-то хорошо, его бабушка к себе забирала. А я уже типа взрослый. Да, и по литре тогда две

двойки схватил, если бы ещё стих не выучил... В общем, залез через забор, хотел уроки в тишине поучить. Я же не знал тогда. Что ты Пушкина любишь.

– Глядишь в забытые ворота

На черный отдаленный путь...

Может, тебе читали так? Ну, давно. У камина. Мне родители читали в детстве. А Матюхе мама не читает, некогда ей. А к папе мы только по субботам. Поэтому я Матюхе сам читаю. На ночь. Я эту «Муху-цокотуху» уже наизусть знаю.

– Тоска, предчувствия, заботы

Теснят твою всечасно грудь.

То чудится тебе...

Никогда не понимал, как последнюю строчку читать. Где продолжение? Где рифма? Кто так заканчивает вообще?

Я подхожу к стене и кладу руку – она тёплая, живая, я чувствую, как пульсирует это тепло.

– Всё будет хорошо, бро. Приведут тебя в порядок, будешь как новенький. Музей сделают. Круто же?

Я достаю из книги закладку – огрызок самостоятельной по английскому.

– Смотри, что нашёл. Называется – «Пущину». Это друг его был. Для тебя специально, слушай.

– Мой первый друг, мой друг бесценный,

И я судьбу благословил...

Я сижу на полу и читаю, читаю, читаю. От обшарпанных стен идут тепло и гул. И ещё звук такой, еле слышный. Как будто потрескивают дрова в разогретом вечернем камине.